

Эйра, волоча уставшие ноги, вернулся в гостиницу. В этой критической ситуации, когда нужно было экономить каждый медяк, гостиница была настолько убогой, что не годилась не то что для лорда, но даже для мага Лабиринта. В Волни тоже было много последователей Морунка, поэтому у входа висели три вырезанных из дерева цветка.

Он купил выпивку и блюдо из копчёной птицы — то ли курицы, то ли утки. Казалось, сегодня он не сможет заснуть, не выпив. Вспоминая бесконечную череду трудностей с момента прибытия в Солу, он разжигал в себе яростную ненависть к тому, кто убил его семью.

В комнате не было даже стола, поэтому Эйра устроил попойку, сидя на краю кровати. Заедая алкоголь жёсткой копчёной птицей и напиваясь вдрызг, он вздохнул. Камешек, словно пытаясь утешить, прижался к щеке Эйры.

«Если продать всё, что есть в подпространстве, и заполнить его едой, сколько влезет?»

В крайнем случае Эйра собирался лично курсировать туда-сюда и перевозить еду. В его подпространстве было место примерно на две повозки. Размышляя, какой маршрут будет самым эффективным, он вызвал окно карты.

— Хм, вот замок лорда. Это, должно быть, ущелье Далум... А это дорога, по которой я ехал в Соблатс. Самый короткий путь, соединяющий с Волни... действительно узкий. Едва одна повозка проедет.

На каждой дороге, ведущей к поместью, были отмечены аванпосты. Эйра то приближал, то отдалял карту, пытаясь найти самый быстрый и эффективный путь, как вдруг замер. Нахмурившись, он уменьшил масштаб. Обычно была видна только территория Солы, но сейчас, возможно, из-за того, что он находился в Волни, карту можно было расширить.

— Активируй-ка карту.

По просьбе Эйры огромное количество маны тут же улетучилось, и на карте начали появляться разноцветные точки. Это были существа, которых он мог засесть с помощью магии обнаружения, находясь в Волни. Сдерживая тошноту от резкого расхода маны, он тщательно изучал карту.

Белые щёки покраснели от алкоголя. Сияющие пугающей концентрацией серо-голубые глаза соединяли линией гостиницу, торговцев, которых он посетил сегодня, место с почтовыми ястребами и горный хребет. Вскоре его взгляд остановился на одной точке.

Наконец лицо Эйры озарила широкая улыбка. Он хотел ткнуть пальцем в место, где точки были особенно густо сконцентрированы, но рука лишь махнула по воздуху. Из-за этого подача маны прервалась, и суетливо двигавшиеся точки на карте замерли, словно пришипленные.

— Если всё сделать правильно, это можно использовать как дорогу?

Бормоча под нос, Эйра несколько раз перепроверил, не ошибся ли он.

— ...Если подумать, в нашем поместье ведь тоже есть что продать?

Хе-хе, хе-хе-хе... Смеясь, как сумасшедший, он наконец не выдержал действия алкоголя и усталости и опрокинулся назад. С глухим стуком ударившись головой (или какой-то другой частью тела) о стену, он повалился на кровать.

— Наше поместье... тоже... теперь... загребёт... деньжат...

Пьяный от крепкого алкоголя маг счастливо бормотал что-то, пока не погрузился в глубокий сон. Над головой Эйры, который даже во сне не переставал улыбаться, мигало окно карты.

Вскоре Камешек порхнул и устроился на красном лбу хозяина. Его глазки-точки сверкнули, глядя на карту. Там, куда смотрел дух, мягко светилась дорога, состоящая из синих точек.

Когда дух тоже закрыл глаза, все точки на карте исчезли, осталась лишь одна красная. Довольно близкая красная точка мигнула пару раз и исчезла вместе с окном карты.

□

— Добро пожаловать, Хозяин.

Когда Эйра вошёл, рабы Лабиринта поклонились и хором поприветствовали его. Он хотел пройти мимо, не обращая внимания, но вдруг склонил голову. Рабов не хватало.

— Где ещё один?

На этот вопрос раб, проработавший дольше всех, почтительно ответил, не смея поднять взгляд:

— Обен умер сегодня утром.

— Я же говорил быть предельно осторожными при кормлении магических зверей.

Эйра легонько цокнул языком. Сколько бы он ни предупреждал, обязательно раз в месяц находились рабы, которые нарушали правила безопасности и погибали от лап зверей.

— Я столько раз повторял: звери, которых я содержу, какими бы красивыми, милыми и

классными ни казались снаружи, могут убить человека в одно мгновение, поэтому требуют тщательного и особого ухода.

Сказав, чтобы они выучили всё наизусть до конца недели, ни разу не ошибившись, Эйра достал с полки тяжёлую книгу и с грохотом опустил её. Это была важная книга, в которой он на каждой странице с любовью и тщательностью расписал меры предосторожности.

Все рабы были преступниками, приговорёнными к смерти за жестокие убийства множества людей. Их преступления порой вызывали отвращение, но Эйра старался ответственно относиться даже к отъявленным злодеям. И всё же было жаль, что за всё время лишь двое смогли отработать 10 лет каторги и выйти на свободу, не нарушив технику безопасности.

И даже один из тех двоих попытался совершить рецидив, укрываясь от надзора, и был пойман снова. На этот раз он не удостоился милости стать рабом Эйры и, говорят, живьём превратился в настенные часы одного старшего мага.

«Использовать крики вместо боя часов каждый час... у того семпая действительно специфический вкус...»

Задумавшись, как устроены человеческие настенные часы, Эйра спохватился и ускорил шаг. Его ждал магический зверь. Шаги по лестнице, ведущей в подвал, были на редкость бодрыми. Проходя мимо своей драгоценной коллекции, он ни разу не остановился.

В конце длинного подземного коридора была дверь с замком. Эйра щёлкнул пальцами, замок открылся, и дверь распахнулась. Войдя внутрь с трепетом в сердце, он наконец остановился. С губ сам собой сорвался восхищённый стон: «Ах...»

Это был самый прекрасный экземпляр из всех магических зверей, что он видел. Алые волосы казались очень тонкими и мягкими, а алые глаза, сияющие во тьме, напоминали драгоценные камни. Белая гладкая кожа, крепкое мускулистое тело, сильные ноги — поистине великолепная прямоходящая особь.

Когда появился Эйра, алые глаза, остро оглядывавшие комнату, на мгновение расширились, а затем сузились. Хотя Эйра слышал, что эта тварь убила бесчисленное количество людей, прежде чем её поймали, он бесстрашно подошёл ближе. Если посмотреть так, наручники и цепи на шее и запястьях смотрелись на нём как аксессуары.

Когда он протянул руку, алый зверь отреагировал, склонив голову набок. Эйра очень осторожно погладил кляп во рту, затем провёл по щеке и коснулся пальцем уголка прекрасного глаза.

— Какая прелесть.

Из-за кляпа раздалось глухое рычание, выражающее дискомфорт. Эйра, влюбившийся в него с первого взгляда, поколебавшись, щёлкнул и растянул кляп. За предметом, выпавшим из алых губ, потянулась ниточка прозрачной слюны. Когда красноватый язык похотливо облизнул губы со следами от кляпа, Эйра на мгновение потерял дар речи, но с трудом пришёл в себя.

«Н-нет. Хотя я и люблю магических зверей, но возбуждаться нельзя».

Теперь он заметил, что на крепком теле виднелись следы от кнута. Проводя по красным рубцам, Эйра вдруг вспомнил, что проводил тест на твёрдость тела этого зверя с помощью кнута. В руке уже оказался кнут.

— Терпи, даже если больно. Будь умницей.

Ласково сказал Эйра, водя пальцем вслед за изгибом поднимающихся в улыбке губ. Кончик белого пальца почесал подбородок зверя, а затем безжалостно взмахнул кнутом. Хлеть! Раздался резкий звук удара, и на теле остался багровый след.

Почти идеальное тело дёрнулось. Скульптурные мышцы, реагируя на боль, твёрдо сжались, создавая глубокие рельефы. Снова взмах кнута — хлеть! На широкой груди и похожих на лошадиные бёдрах пролегли красные линии.

Из рта зверя вырвался стон: «Кх...». Возможно, от этого звука Эйра невольно возбудился и вложил больше силы — из следующей раны просочилась тонкая струйка крови.

Закончив проверку твёрдости, Эйра отложил кнут. Чтобы осмотреть нанесённые раны, он повёл рукой вдоль бугрящихся мышц. «Он в штанах?» — глянул вниз и усмехнулся. Какой зверь будет носить штаны? Обнажённое тело обладало красотой, близкой к искусству.

Очарованный этим телом, он совершенно не заметил устремлённого на него алого взгляда. Долго поглаживая раны, Эйра восторженно пробормотал:

— Внутри он так же красив, как и снаружи?

Звяк. Цепи, сковывающие зверя, издали громкий звук. Нежные, мягкие пальцы, никогда не знавшие грубой работы, блуждали по груди. Ту-дум, ту-дум, ту-дум — сердце билось довольно часто. Сердце этого зверя, как и у человека, находилось в груди.

Рука, блуждавшая по груди, спустилась к прессу, и ногти впились в кожу. Значит, здесь? Ало-красные инородные органы наверняка так же прекрасны, как и внешность...

Поглощённый этими мыслями, Эйра вдруг почувствовал жжение в затылке, поднял голову и встретился взглядом со зверем. Алые зрачки полыхали, как огонь. Губы, сдерживавшие боль, изогнулись в кривой ухмылке.

— Эйра.

— ...А?

Мне слышалось? Этот зверь только что заговорил? И даже знает моё имя? Пока он моргал, зверь, хрипло рассмеявшись, напряг торс. Трицепсы на руках вздулись, и с громким хрустом он разорвал цепи.

— Э-э?

Пока Эйра стоял, ошеломлённый невыносимым зрелищем, зверь освободившейся рукой снял наручник с другой руки. Эйра попытался принять меры, но рука метнулась стрелой, схватила его за горло и сжала. «Кха!» — дыхание перехватило. Зверь, сорвавший цепь с шеи, защёлкнул снятые наручники на запястьях Эйры. Щелчок прозвучал жутко.

— Н-нет! Как магический зверь может...

Пока он был в ужасе, зверь обмотал цепь вокруг его шеи, слегка придушил и вжал в пол. Ощущение огромного, нечеловеческого члена, который тёрся вдоль позвоночника, истекая предсеменной жидкостью, вызывало дрожь. Эйра пытался вырваться, но магия почему-то не работала. Зверь, больно прикусив ухо Эйры, прорычал:

— Хочешь, чтобы магический зверь оттрахал тебя до смерти?

<http://bllate.org/book/14410/1273967>